

тостью понятий в данной сфере необходима выработка четкого методологического подхода. Таким же образом социология должна создать базу исследований (как теоретическую, так и эмпирическую) не только для педагогики, но и для политики. В связи с этим представляется неверной ситуация, в которой педагогические и политические исследования по данному направлению заметно опережают социологические, следствием чего может являться размытость понятий и разобщенность подходов. Полиаспектность и многогранность понятия гражданственности характеризует множество научных подходов к его определению; в то же время для практической реализации государственных и общественных мер, способствующих формированию гражданского сознания населения, требуется тщательная разработка категорий и понятий гражданственности и приведения к единству их научных смыслов.

Литература

1. Бабинцев В. П. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии / В. П. Бабинцев, Е. В. Реутов // Социол. исслед. – 2010. – № 1. – С. 109–115.

2. Вишнеvский Ю. Р. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы реформирования / Ю. Р. Вишнеvский, Д. В. Трынов, В. Т. Шапко // Социол. исслед. – 2009. – № 4. – С. 108–117.

3. Израелян Е. В. Международные индексы развития гражданского общества и российский контекст // Эмпирические исследования гражданского общества : сб. материалов обществ. слушаний. – М., 2009. – С. 64–68.

4. Магомедов К. Гражданственность и ее проявление в деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации // Государственная служба. – 2008. – № 3. – С. 5–13.

5. Шушпанова И. С. Гражданское общество в социологическом измерении // Социол. исслед. – 2008. – № 11. – С. 59–63.

ЛИТВИНЦЕВ В. Л.

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Символ (греч. Symbolon – знак, сигнал, признак, примета, залог, пароль, эмблема) – знак, который связан с обозначаемой им предметностью так, что смысл знака и его предмет представлены только самим знаком и раскрываются лишь через его интерпретацию.

Природа символа

В отличие от образа, символ не самодостаточен и служит своему денотату (предмету), требуя не только переживания, но также проникновения и толкования. В искусстве, особенно в его вы-

соких достижениях, грань между образом и символом трудно определить, если не учитывать, что художественный образ приобретает символическое звучание, тогда как символ изначально связан со своим предметом. В отличие от понятия, для которого однозначность является преимуществом (по сравнению, например, со словом естественного языка), сила символа – в его многозначности и динамике перехода от смысла к смыслу. В отличие от аллегории и эмблемы, символ не является иносказанием, которое снимается подстановкой вместо него прямого смысла: смысл символа не имеет простого наличного существования, к которому можно было бы отослать интерпретирующее сознание. В отличие от притчи и мифа, символ не предполагает развернутого повествования (нарративной формы) и может иметь сколь угодно сжатую форму выражения. В отличие от метафоры, символ может переносить свойства предметов и устанавливать те или иные их соответствия не для взаимоописания этих предметов, а для отсылки к «неописуемому». В отличие от знаменья, символ не является знаком временного или пространственного явления сверхприродной реальности, поскольку допускает наличие бесконечно большой дистанции между собой и своим интенциональным предметом. Специфическими отличиями символа от всех упомянутых знаковых тропов являются следующие его функции: 1) способность символа к бесконечному раскрытию своего содержания в процессе соотнесения со своей предметностью при сохранении и «неотменимости» данной символической формы; 2) способность символа, связанная с опытом его толкования, устанавливать коммуникацию, которая, в свою очередь, создает (актуально или потенциально) сообщество «посвященных», т. е. субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символов (например, церковь, направление в искусстве, эзотерический кружок, культурный ритуал); при этом эзотеричность символа уравнивается его «демократичностью», поскольку каждый может найти свой, доступный ему уровень понимания символа, не впадая в профанацию; 3) устойчивое тяготение символа к восхождению от данных «частей» к действительному и предполагаемому «целому». Символ в этом случае является местом встречи того, что само по себе несоединимо.

Символ в философии и культуре

Уже у истоков философского мышления (досократики, Упанишады) мы находим построение символов, в тех случаях, когда понятие сталкивается трансцендентным. Но как философская проблема символ осознается (если говорить о западной тради-

ции) Платоном, который ставит вопрос о самой возможности адекватной формы абсолютного. Эйдосы, которые не суть ни абстракции, ни образы, в этом контексте можно понимать именно как символы. Европейское средневековье делает символ одним из общекультурных принципов, однако предметом рефлексии и культивирования в первую очередь становятся эмблематические возможности символа, собственная же его специфика выявляется лишь в творческой практике культурного взлета XIII–XIV вв. Ситуация существенно не меняется вплоть до последней четверти XVIII в.: Возрождение, Маньеризм, Барокко, Просвещение богаты своими символическими художественными и религиозными мирами, но не видят при этом в символе ничего, кроме средства иносказания и «геральдической» репрезентации. Новый поворот темы возникает в связи с кантовским учением о воображении. Здесь символ впервые приобретает статус особого способа освоения реальности. В это же время Гете приходит к интуиции «прафеномена», т. е. своего рода объективного символа, рожденного органической природой. В философии немецкого романтизма (Новалис, Ф. Шлегель, Шеллинг, Крейцер и др.) разворачивается целая философия символа, раскрывающая его специфику в связи с основными темами романтической эстетики (творчество, гений, ирония, взаимоотношения и переключки миров в универсуме). Близкую романтизму версию дает Шопенгауэр, изображающий мир как символизацию бессодержательной воли в идеях и представлениях. Как вариант романтической темы символа можно рассматривать концепцию «косвенных сообщений» Кьеркегора.

Во второй половине XIX в. осмысление проблемы символа берет на себя философствующее искусство: в музыку и литературу приходит миф, истолкованный не как формальная оболочка смысла, а как смыслопорождающая стихия (наиболее показателен Р. Вагнер – практик и теоретик). С 1880-х гг. символизм как художественное течение и теоретическое самообоснование, вбирая в себя и романтическое наследие, и идеи философии жизни, создает в полемике с позитивизмом новую философию символа, претендующую на тотальную мифологизацию не только творчества, но и жизни творящего субъекта. Русское ответвление символизма конца XIX – начала XX вв. приносит обильные философские плоды: в построениях В. С. Соловьева, Андрея Белого, Вяч. И. Иванова, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева символизм получает систематическое многовариантное философское обоснование. Течения западной мысли XX в. представляют несколько моделей понимания символа. Выросшая из неокантианства «философия симво-

лических форм» Кассирера делает символ универсальным способом объяснения духовной реальности. «Глубинная психология» К. Юнга и его школы, наследуя открытый психоанализом феномен символа, укорененного в коллективном бессознательном, переходит от установки Фрейда на разоблачение символа к его легитимизации и сознательного включения символов и архетипов в процессы самовыражения и самопостроения души. Философия языка вскрывает символический потенциал, позволяющий естественному языку играть роль мирозозидающей силы. Если аналитическая традиция склонна при этом «обезвреживать» мифологию языка и его символы в пользу рациональности и смысловой прозрачности, то «фундаментальная онтология» Хайдеггера и герменевтика Гадамера пытаются освободить язык от сциентистской цензуры и позволить символу быть самодостаточным средством понимания мира. Показательно, что Хайдеггер и Витгенштейн сходятся в признании необходимости символически означить то, «о чем нельзя сказать» при помощи «молчания» (Витгенштейн) или «вслушивания в бытие» (Хайдеггер). Структурализм Леви-Стросса исследует механизмы функционирования символа в первобытном бессознательном (бриколаж), не избегая проекций на современную культуру. Новейшая философия Запада сохраняет проблематику символа в превращенных формах в той мере, в какой остается актуальной задача размежевания и аксиологической оценки различных типов знаковой активности человека и культуры.

Символ как элемент и инструмент культуры становится специальным предметом внимания и научного исследования в связи с формированием новой гуманитарной дисциплины – культурологии. В одних случаях культура в целом трактуется как символическая реальность (как в «философии символических форм» Кассирера), в других – вырабатывается методология «расшифровок» того смысла, который бессознательно был придан объекту культуры, в-третьих – символ изучается как сознательно творимое сообщение культуры, и в этом случае интерес представляет как поэтика его создания, так и механизмы его восприятия. Наиболее проблематичным остается понимание символов культуры, лишенных прямой эмблематичности: такими могут быть художественный образ, миф, религиозное или политическое деяние, ритуал, обычай и т. п.

Литература

1. Аверинцев С. С. Знак, знамя, знамение // Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1997. – С. 109–128.

2. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М., 1994. – 231 с.
3. Иванов Вяч. И. Лик и личины России: эстетика и литературная теория / Вяч. Иванов. – М., 1995. – 189 с.
4. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / Ф. Лосев. – М., 1995. – 311 с.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М., 1982. – 278 с.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание / М. Мамардашвили. – М., 1997. – 164 с.
7. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии / К. Свасьян. – Ереван, 1980. – 244 с.
8. Свасьян К. А. Философия символических форм Кассирера. Критический анализ / К. Свасьян. – Ереван, 1989. – 248 с.
9. Флоренский П. А. «Иконостас», «Symbolarium» // Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. – М., 1996.
10. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen / E. Cassirer. – Darmstadt, 1980–1985. – Bd. 1–3.
11. Bayne S. Secret and Symbol / S. Bayne. – Edinburgh, 1949. – 132 p.
12. Foss M. Symbol and Metaphor in Human Experience / M. Foss. – Princeton, 1949. – 312 p.
13. Kimpel B. The Symbols of Religious Faith / B. Kimpel. – N. Y., 1954. – 298 p.

МАЛОВА Н. С.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ YOUTUBE НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Бурное развитие современных технологий оказало огромное воздействие на поколение сегодняшних студентов, которых можно считать рожденными не с серебряной ложкой во рту, а скорее рожденными с пониманием информационных технологий на интуитивном уровне. Для современной молодежи язык цифровых технологий является родным, что позволило М. Пренски [5] ввести в обиход термин «digital natives». Подобные утверждения часто используются для того, чтобы выразить энтузиазм молодежи и их огромный интерес ко всем возможностям, которые предоставляет Интернет.

Интернет изменил не только студентов, но и преподавателей. Это – бесконечный источник новой информации в любой области знаний. В данной статье мы ограничимся рассмотрением возможности использовать YouTube на занятиях по иностранному языку.

YouTube был создан в феврале 2005 г. Стивом Ченом, Чэдом Херли и Джодом Каримом. В момент создания это был домен <http://www.youtube.com>. Сайт был создан в качестве форума для всех желающих создать и показать другим короткие видеоклипы. Год спустя Google купил YouTube за 1,65 млрд долларов США.